

эпизода

прийти к нему от противного, или, во всяком случае, проверить противоположным? Как бы там ни было, но Герасимов на неожиданное предложение отзывается охотно, только замечает, что и Петр тогда «не должен быть серьезным». Пробуют по-новому, и подтверждается, что предложенный ход был для Смоктуновского все-таки проверкой.

Смоктуновский. Я пришел к выводу, что Вадим довольно крепко «сидит» в ощущении своего несчастья. В этой сцене он приходит к тому, что мучает его весь фильм. Что он — бесталанный человек.

А потом актер произносит фразу, которая характер героя чрезвычайно уточнит и в построении эпизода тоже чрезвычайно поможет: «Вадим любит талант, а своего не замечает». То есть ничего ценного в себе не видит и мучается этим, и мучает других, и требует поддержки и внимания.

Володин Смоктуновскому подсказывает: вы начинаете с того, что спрашиваете:

как жить? А кончаете стихами об акробатке. Почему-то все иное. Но почему? Что с ним произошло?

Следующая репетиция и объясняет — что. Так случается, что прихожу не к началу, а несколько позже. И замечаю, что все идет в другом настроении. Появилось что-то веселое: Герасимов и Смоктуновский поминутно смеются. Вадим Антонович, например, задает свои первые вопросы: «Поверишь ли, перестал понимать, как жить, что делать, ради чего...» — на улыбке, и эта улыбка в сочетании с недоуменными словами дает сильное и тревожное впечатление. Однако главное не в выигрышной интонации, а в том, что в эпизоде, от дубля к дублю, появляется внутреннее движение.

Откуда все это взялось? Прочитируем дальше текст, и тогда многое станет ясным. После того как отзвучало стихотворение о самоедах — у Вадима Антоновича есть и такое, — Воробьев продолжал:

«Видишь, Вадя, ты — талант, ты — ярко одаренная личность! А помнишь вот это? Как у тебя:

Медленные приближались даты,
Чтоб настать и промелькнуть тотчас.
Как мы ждали праздников когда-то,
Как они обманывали нас...»

Вадим Антонович. Смотри-ка, я уж и сам забыл, а ты помнишь. Ну у тебя и память! Просто патологическая.

Воробьев. Вадя, а вот это?

Отпустите меня, отпустите...

Рвы, овраги, глухая вода,

Ссоры, склоки, суды, мордобитья...

Отпустите меня навсегда.

Воробьев декламировал, а Вадим Антонович подхватывал про «акробаток на слабом канате» и завершал строфой: «Не пускайте меня, не пускайте — на земле задержите пока...».

Воробьев. Нет, Вадя, это здорово!

Вадим Антонович. Ты думаешь?

Воробьев. А ты — нет?

Вадим Антонович. А что, мысль в этом какая-то теплится, не без того.

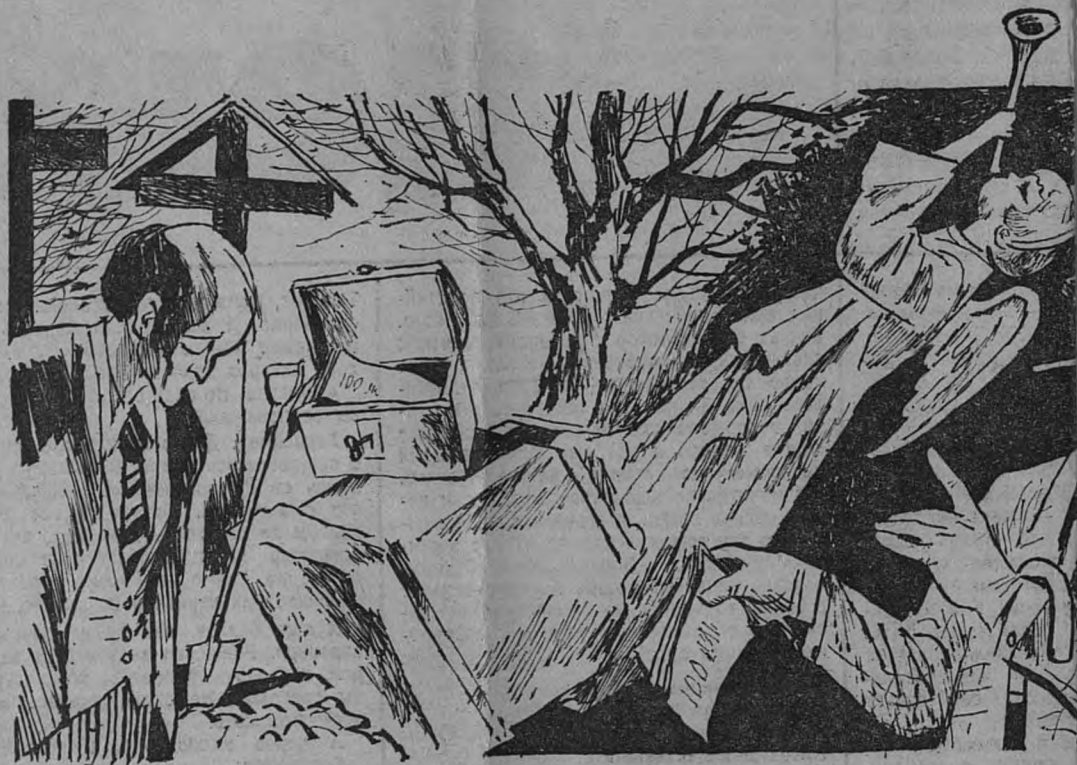
А потом шли ремарки: «и Вадим Антонович рассмеялся. И Воробьев рассмеялся. Вадим Антонович расхохотался. И Воробьев расхохотался».

Рассмеялись же они оттого, что стихи им понравились. И Васильеву понравились, и Петру Воробьеву — от души. И не нужно было перечислять, как главное, что и квартира у друга есть, и работа, и прочее, и прочее. Слова эти остались, но говорились они теперь не как самоценные, а просто чтобы «сбить» Вадима Антоновича с мрачного «самоедского» настроения. Знал за ним Воробьев эту слабость и умел преодолевать ее и таской, и лаской. Вот как теперь.

Эпизод займет в фильме считанные минуты. Чего он стоил исполнителям, понастоящему будут знать только они.

Запись вел
Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

НА СНИМКЕ: С. Герасимов и И. Смоктуновский в фильме «Дочки-матери».

ИЗМЕРЕННЫЙ МРАМ

тельно измерил яму, вырытую под фундамент памятника, для чего ему пришлось в нее залезть. Теперь все было в порядке — точно, до последнего сантиметра. Он вышел из ямы и, аккуратно отрянувшись, медленно побрел домой с покойным довольством человека, выполнившего свой долг.

Во дворе дома, где жил господин Аниолис, среди старого хлама и мусора стояла мраморная статуя, поражающая прохожих. Никто не понимал, откуда она взялась. Это был Михаил Архангел. Белый как снег, с едва намеченными крыльями и длинной трубой, зажатой в руке, он был воплощением совершенной человеческой

семь тысяч! Считать деньги — такое приятное занятие, и это удовольствие можно доставлять себе часто. Но вечно будоражит душу недовольство, что не получается круглая сумма. А если она и получится, то ненадолго, сразу же потом опять возникает нехватка. Стоит, скажем, добрать до семи тысяч лит, как дело пойдет к восьмой. А когда еще дотянешь ровно до восьмой?!

Крюком он аккуратно придавил бумажки, закрыл шкатулку, проверив, защелкнулся ли замок, положил шкатулку в шкаф и тщательно его снова запер. Да, денег мало. Эх, надо бы иметь хоть десять тысяч лит. Ведь у него такие обширные пла-

гар, нажал рубиновую крышку лихо о портсигар Аниолису, раящим (хотя и был, но не желал одалживать!).

«Откуда ты взял? Не местный. Иначе Гость закурил, в статую, небрежно ку и, словно между — Продаешь?

Аниолис сначала обрадовался, что лись напрасными. пился. Конечно, он